

обращено внимание на несомненные связи изучаемой живописи с произведениями древнерусской литературы. При этом указывалось на возможное отражение в стенописи политических идей, действительных событий русской истории (и в их числе героических), а также на нравоучительный характер росписей.³ Однако исследователи ограничились в основном общими замечаниями.

Изучение живописи собора показывает, что росписи, наделенные чертами литературного назидания, выражают не только общие и отвлеченные понятия. Идея, которые достаточно ясно раскрываются в некоторых разделах стенописи, были почерпнуты из определенного круга памятников письменности XVI в., что в свою очередь приближает эти произведения изобразительного искусства к конкретной исторической обстановке.

Как известно, одна из вероятных датировок изучаемых росписей определяется двумя годами — 1564—1565.⁴ В таком случае следует считать, что появление архангельской фрески в дошедшей до нас «редакции» относится к самому началу Опричнины, т. е. совпадает с поворотным моментом в политике Ивана IV, направленной на укрепление централизованного государства и единовластия. Не противоречит ли такая датировка стенописи собора тому подбору композиций, которые рассматриваются нами как новое явление в русской живописи XVI в.? Нет, напротив, разделы росписей, вновь введенные тогда в традиционную живописную схему, своим содержанием тесно связаны с основными идейно-политическими принципами, которые были выработаны к середине 60-х годов XVI в. Иваном Грозным вкупе с высшей церковной властью и нашли отражение в официальных документах, агиографии, исторических сборниках, публицистике.

Большое своеобразие в роспись собора вносят условные портреты русских князей, ближе всего расположенные к зрителю. Они вереницей проходят вдоль первого яруса стен и свободно, в кажущемся беспорядке размещены на крещатых столпах — опорах здания. В росписи вошло более шестидесяти княжеских фигур. Некоторые исторические лица изображены дважды (повторены в наружных фресках храма). Уникальную галерею портретов хронологически открывают образы Ольги и Владимира Святославича, а завершает фигура князя Юрия, младшего брата Ивана IV. Распределение в ней представителей династии Рюриковичей по историческим этапам неравномерно. Меньшую группу составляют портреты князей Киевского периода, среднюю — представители Владимиро-Суздальской Руси, и больше половины портретов относится к последнему, московскому, времени. Архангельский собор был усыпальницей московских великих и удельных князей начиная с XIV в. Отсюда и происходит такое своеобразие в его живописном оформлении. Однако значение этих особенностей росписей заходит далеко за пределы мемориальности. Вошедшая в стенопись большая портретная группа значительно обогатила стенное письмо. Сами по себе портреты в храмовых росписях XVI в. не представляют собой явление исключительное. Хорошо известны изобра-

³ Д. Сухов, В. Крылова. Реставрация стенописи Архангельского собора. — Архитектура и строительство Москвы, 1955, № 7, стр. 31; В. Н. Крылова, стр. 77, 294—295; Ю. Н. Дмитриев. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля. — В кн.: Древнерусское искусство, XVII в., стр. 142.

⁴ Е. С. Сизов. Датировка росписей Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. — В кн.: Древнерусское искусство, XVII в. (далее: Е. С. Сизов. Датировка росписей), стр. 174. Не исключена возможность, что роспись исполнили только за один год — 1564 или 1565.